

Козьмина Е. Ю.
Екатеринбург, Россия
ORCID ID: 0000-0001-6226-7032
E-mail: kleno63@gmail.com

УДК 821.162.1(Лем С.)
DOI 10.26170/FK19-04-02
ББК Ш33(4Пол)63-8,4
ГРНТИ 17.09.09
Код ВАК 10.01.03

Скубачевска-Пневска А.
Торунь, Польша
ORCID ID: 0000-0002-6527-3494
E-mail: skubpnie@wp.pl

ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕПУТАЦИЯ СТАНИСЛАВА ЛЕМА

Аннотация. В статье анализируется литературная репутация польского писателя и философа Станислава Лема. В первой части в качестве предмета изучения выбрано преимущественно художественное творчество Лема. Анализ проводится на основании трех «показателей популярности», описанных А. И. Рейтблатом: показатели внутрилитературного характера; социокультурные показатели и определяемые «сферой книгоиздания и книгораспространения». Авторы статьи интересуются рецепцией творчества Лема польских, российских и американских читателей. Делается вывод о том, что в Польше литературная репутация Лема была очень высока по всем трем показателям, однако сам писатель чувствовал себя непонятым. В США литературная репутация Лема связана со скандалом («Lem Affair»), выявившим, с одной стороны, слабое знание о произведениях польского писателя, а с другой – спровоцировавшим в дальнейшем более глубокое изучение его творчества. В России литературная репутация С. Лема оказалось самой противоречивой: писатель был очень популярен и хорошо известен как массовому, так и элитарному читателю, но серьезные научные исследования его творчества стали появляться только после распада Советского Союза и после смерти Лема. Вторая часть статьи посвящена литературной репутации С. Лема как теоретика литературы (в качестве главной работы в этой сфере выбрана «Философия случая»). В статье отмечается также, что в оригинале эта работа имеет важный подзаголовок «Литература в свете эмпирики». На основании анализа научных работ по этой теме выявлено, что вклад Лема в теорию литературы до сих пор оценивается полярно. «Философия случая» характеризуется антиномическими качествами (запутанная – понятная, увлекательная – скучная и т. д.) Однако почти все исследователи сходятся в том, что «Философия случая» многоязычна и должна быть исследована учеными разных специальностей. Основное внимание Лем уделял рецептивному аспекту художественного произведения; именно читательское восприятие и формирует, по его мнению, структуру произведения. В статье отмечается также близость теоретико-литературных идей Лема к исследованиям Р. Ингардена и У. Эко, однако новаторский характер воззрений Лема выходит за рамки существующих моделей мышления.

Ключевые слова: литературная репутация; рецепция творчества; польская литература; польские писатели.

Kozmina E. Yu.
Ekaterinburg, Russia

Skubaczewska-Pniewska A.
Torun, Poland

LITERARY REPUTATION OF STANISLAV LEM

Abstract. The article analyzes the literary reputation of the Polish writer and philosopher Stanislaw Lem. In the first part, the entire work of Lem is selected as the subject of research – artistic creation. The analysis is carried out on the basis of three “popularity indicators” described by A. I. Reitblat: indicators of an internal literary character; socio-cultural indicators and determined by the “sphere of book publishing and book distribution”. The authors of the article are interested in the reception of Lem’s work by Polish, Russian and American readers. It is concluded that in Poland, Lem’s literary reputation was very high in all three respects, but the writer himself felt misunderstood. In the United States, Lem’s literary reputation is associated with the scandal (“Lem Affair”), which revealed, on the one hand, poor knowledge of the works of the Polish writer, and on the other, provoked a deeper study of his work. The literary reputation of S. Lem turned out to be the most controversial in Russia: the writer was very popular and well known to both the mass and elite readers, but serious scientific studies of his work began to appear only after the collapse of the Soviet Union. The second part of the article is devoted to the literary reputation of S. Lem as a literary theorist (*Philosophy of chance* was chosen as the main work in this area. The article also notes that the original work has an important subtitle “Literature in the light of empiricism”). Based on the analysis of scientific papers on this topic, it was revealed that Lem’s contribution to the theory of literature is still being evaluated as polar. The *Philosophy of chance* is characterized by antinomic qualities (confusing – understandable, fascinating – boring, etc.). However, almost all researchers agree that the *Philosophy of chance* is multilingual and should be studied by scientists of different specialties. Lem focused on the receptive aspect of the work of art; it is the reader’s perception that forms, in his opinion, the structure of the work. The article also notes the closeness of the theoretical and literary ideas of Lem to the studies of R. Ingarden and W. Eco; however, the innovative nature of Lem’s views goes beyond the existing models of thinking.

Keywords: literary reputation; reception of creativity; Polish literature Polish writers.

Благодарности: Благодарим за помощь в подготовке статьи Владимира Ивановича Борисова, известного библиографа работ С. Лема и автора наиболее значительных работ о нем на русском языке.

Acknowledgments: We would like to thank Vladimir Ivanovich Borisov for help in preparing the article – the famous bibliographer of the works of S. Lem and the author of the most significant works about him in Russian.

Для цитирования: Козьмина, Е. Ю. Литературная репутация Станислава Лема / Е. Ю. Козьмина, А. Скубачевска-Пневска // Филологический класс. – 2019. – № 4 (58). – С. 16–22. DOI: 10.26170/FK19-04-02.

For citation: Kozmina, E. Yu., Skubaczewska-Pniewska, A. (2019). Literary Reputation of Stanislaw Lem. In *Philological Class*. No. 4 (58), pp. 16–22. DOI: 10.26170/FK19-04-02.

I. Репутация Лема-писателя

«...несмотря на весь мой библиотечный запас, ... меня нет нигде, я – Робинзон в космическом масштабе. Я сам напридумывал все эти свои информационные бомбы и прочее, но оказался проигнорированным дважды, как со стороны науки, так и со стороны литературы, как со стороны философии, так и со стороны критики» (Из переписки Лема и Мрожека [цит. по: Прашкевич, Борисов 2015: 152]).

Литературная репутация Станислава Лема – явление неоднозначное и противоречивое. То, как воспринимали Лема при его жизни, отличается от современной рецепции; в разных странах «показатели популярности» (А. И. Рейтблат) Лема оказывались разными. Но главное – эти показатели противоречили ощущениям самого писателя, его чувству одиночества и непонятности современниками.

Как формировалась популярность С. Лема?

А. И. Рейтблат (основываясь на работе А. Жбиковской-Мигонь) выделяет три группы «показателей популярности»: 1) внутрилитературного характера; 2) социокультурные показатели; 3) определяемые «сферой книгоиздания и книгораспространения» [Рейтблат 2009: 74–75].

К первым А. И. Рейтблат относит «отражения в творчестве других писателей (влияния, „продолжения“, пародии, цитаты, эпиграфы), оценки критики, внимание литературоведения (наличие исследовательских работ, библиографических указателей, величина статей в энциклопедиях)», ко второй группе – «премии, членство в академиях, наличие музеев, юбилеи, участие в радио- и телепередачах, экранизации, инсценировки, включение в школьные программы, государственные награды и т. д.», к третьей – «число и тираж изданий, включение в серии и рекомендательную библиографию, наличие в общественных и личных библиотеках, свидетельства читателей» [Рейтблат 2009: 74–75].

Попробуем систематизировать основные показатели популярности в трех странах, где творчество Лема было наиболее востребовано – в Польше, в США и в России.

Литературная репутация Лема, его популярность в Польше подтверждается всеми группами показателей.

Один из главных внутрилитературных параметров – наличие собрания сочинений. Они стали появляться еще при жизни писателя: сначала – в 28 томах (выходили с 1965 по 1978 годы), затем в 16 и так далее. До 2005 года было, таким образом, подготовлено и опубликовано четыре собрания сочинений С. Лема в известных издательствах в Варшаве и Кракове.

Результаты научного изучения творчества Лема публикуются в Польше в серьезных монографиях (см. избранную библиографию в книге Прашкевича и Борисова [Прашкевич, Борисов 2015: 355–358]); критики

и рецензенты незамедлительно отзываются на выход новых книг. Лемовские неологизмы и цитаты из публицистики и беллетристики расходятся среди широких масс читателей («В космосе ничего не пропадает», «труженик космоса», «Солярис», «сепульки» и др. О сепульках В. Орлинский пишет, что именно эта «июльская публикация („Из звездных дневников Ийона Тихого“ – Е. Ю.) прославила Лема на всю Польшу»: «Зачитанные до дыр экземпляры „Przekrój“ передавались из рук в руки. О рассказе дискутировали и в других медиа», а «бывший муж Шимборской назвал „Сепулькой“ прирученного ежа» [Орлинский 2019: 181]. В. Орлинский даже утверждает, что «если задуматься, в какой конкретно момент Лем-ремесленник пера становится Лемом-гением, то можно сделать вывод, что произошло это в середине 1956 года» [Орлинский 2019: 182]).

Социокультурная группа показателей популярности Лема еще более впечатляюща. Он получил значительные государственные награды, в том числе – Орден Белого Орла (Order Orła Białego) – высшую награду Польши, Золотой крест Заслуги (Krzyż Zasługi), Командорский и Офицерский кресты Ордена Возрождения Польши и др.; бесчисленное количество премий разного рода и разных стран, в том числе Государственную премию ПНР I степени за литературное творчество. Лем был почетным членом Польской академии знаний, почетным доктором Вроцлавского политехнического института, Львовского медицинского университета, Опольского и Ягеллонского университетов; он также почетный гражданин Кракова.

Произведения Лема во всем мире экранизировали, инсценировали, т. е. не только снимали фильмы, но и ставили спектакли, в том числе оперные, «синтетические» (так, например, «...английский театр танца поставил синтетический спектакль „Солярис“ (режиссер Дэвид Гласс), в котором актеры танцуют, разыгрывают пантомимы, ведут диалоги и поют» [Прашкевич, Борисов 2015: 353]), балетные (двухактный балет «Солярис» (композитор С. Жуков) в 1990 году прошел в Днепропетровском театре оперы и балета; балетный спектакль Ю. Смекалова (театр «Приют комедианта» и М. А. D. Comrapu), поставленный в 2018 году). Академические работы о «Солярисе» и его постановках составляют отдельную главу лемоведения в целом.

Произведения Лема включены в школьную программу Польши (а также Германии, на что Лем весьма эмоционально отреагировал. В. Язневич приводит выдержку из его письма: «Недавно я получил в качестве авторских экземпляров два школьных учебника – хрестоматии для 6-го и 10-го класса немецких школ (в ФРГ). Уверяю Вас, что если бы в сороковые годы кто-нибудь мне сказал, что после войны я стану писателем – я бы поверил; если бы он мне напроорочил Нобелевскую премию – возможно, тоже поверил бы, ведь человеческое тщеславие, как говорят, границ не знает. Но если бы этот пророк заявил мне, что эти самые нем-

цы, которые пытаются меня раздавить как таракана, будут на моих рассказах учить своих детей немецкому языку – нет, в это, клянусь, я бы не поверил» [Язневич 2014: 69]).

Что касается третьей группы показателей популярности автора, отметим, что книги Лема были переведены на самые разные языки (41 язык, по подсчетам лемоведов) и существуют в 30 миллионах экземпляров [Stanislaw Lem... http].

Перечисленные факты неоспоримо свидетельствуют о высочайшем уровне популярности С. Лема у себя на родине, в Польше. Однако автор не удовлетворен всем этим и более того, он говорит о чувстве одиночества и непонятости (см. эпиграф к статье); он опечален тем, что современники не оценили его работ – ни художественных, ни публицистических, ни научных. Лему важно признание именно современников, это «принципиально важный» для него факт: «Ведь я пишу не для каких-то там будущих поколений...» [цит. по: Прашкевич, Борисов 2015: 151]. Однако, как будет ясно из наших дальнейших рассуждений, именно будущие поколения сделают попытку понять Лема «так, как он написан». (Лем сетовал, что «часто получается так, что мои книги прочитывают неправильно, не так, как мне этого хотелось» [Прашкевич, Борисов 2015: 199].)

Несколько по-иному формировалась популярность Лема в США. Главным событием, повлиявшим на уровень известности Лема, следует признать скандал с принятием писателя в Американскую ассоциацию писателей-фантастов – Science Fiction Writers of America, SFWA (1973–1976) и, главное, исключение из этой ассоциации. Вся история, так называемое «Дело Лема» («Lem Affair»), подробно описана в статье А. Зубова [Искусство и ответственность... 2017: 153–170]: от предложенной Лему стать почетным членом SFWA до его резкой критики в адрес американской научной фантастики. В этом контексте особенно любопытно письмо Ф. Дика в ФБР: «И дело не только в том, что... Фиттинг, Роттенштайнер и Сувин – иностранцы, сколько в том, что все они без исключения представляют собой звенья единой цепи передачи распоряжений от Станислава Лема, ведущего функционера Коммунистической партии. Возможно, этот Станислав Лем является целым комитетом, а не просто отдельным лицом, поскольку пишет разными стилями, иногда демонстрирует знание иностранных языков, а иногда – нет; комитетом, созданным партией для активной манипуляции нашим общественным мнением. Критические и педагогические публикации Станислава Лема являются прямой угрозой всей сфере нашей научной фантастики и свободному обмену мнениями и идеями в ней... Таким образом, Коммунистическая партия реально влияет на издательства в США, которые публикуют большое количество контролируемой ею научной фантастики... Правда, кампания, направленная на возвеличивание и утверждение Станислава Лема в качестве крупного писателя и критика, начинает терять почву. Сегодня считается, что творческие способности Станислава Лема были сильно переоценены, а его грубая, оскорбительная и глубоко невежественная критика американской научной фантастики зашла так далеко, что оттолкнула от него всех, кроме самых прямых приверженцев

его партии. Для нашей сферы и ее чаяний было бы печально, если бы большая часть критики и публикаций оказалась под контролем анонимной группы из Кракова (Польша)...» [Цит. по: Прашкевич, Борисов 2015: 237].

Скандалная ситуация, как лакмусовая бумажка, проявила любопытные вещи. Во-первых, по предположению Джеймса Ганна, С. Лема и его творчество в Америке знали не так хорошо, как это представлялось (см. утверждение Г. Прашкевича и В. Борисова: «Нельзя сказать, что Лем к этому времени был широко известен англоязычному читателю, – на английский были переведены только рассказы и роман „Солярис“; ...Но этого оказалось достаточно, чтобы пригласить писателя в общество» [Прашкевич, Борисов 2015: 236–237]). Во-вторых, как предположил Дж. Ганн, именно после «дурной славы» Лема тиражи его книг могут заметно увеличиться; во всяком случае, ничто не помешает Лему продолжать печатать свои произведения, как художественные, так и критические, в тех журналах, где он обычно и публиковался [Gunn 1977: 314]. Отметим, что именно так все и произошло.

Таким образом, литературная репутация Лема в США началась со скандала, который, впрочем, успешно ввел творчество Лема в сферу американской научной фантастики. Кроме того, нужно отметить и значительное количество публицистических и научных статей, которые сам Лем публиковал в это время в журналах США (см. Приложение «Литературно-критические публикации Лема на английском языке (1969–1978 гг.)» к статье А. Зубова [Искусство и ответственность... 2017: 169–170]).

И совсем иной характер приобрела литературная репутация С. Лема в России, тогда еще Советском Союзе. Лема любили; достаточно сказать, что 35 миллионов экземпляров произведений писателя, опубликованных при жизни, делились следующим образом: «на русском – 11 миллионов, на польском – 9, на немецком – 7,5, на чешском – более миллиона» [Язневич 2014: 309–310].

Особое значение для литературной репутации Лема приобрел и тот факт, что роман «Солярис» впервые был экранизирован в Советском Союзе, да еще дважды – в 1968 году (телеспектакль, режиссер Б. Ниренбург) и в 1972 году. Немаловажно, что во втором случае режиссером выступил А. Тарковский, чья популярность не уступала популярности С. Лема; и что два художника так и не нашли общего языка (Лем не признал интерпретацию Тарковского).

Однако совокупность научных и критических работ о Леме в Советском Союзе имела иную, нежели в Польше или США, структуру – основную часть составляли небольшие критические работы: рецензии, интервью, заметки и т. п. Крупных исследований практически не было; хотя следует сказать, что весьма ограниченная по объему рецензия И. Роднянской «Два лица Станислава Лема» [Роднянская 1973] была чрезвычайно высоко оценена Лемом; известно, что он грубовато-восторженно выразил радость по этому поводу.

Пожалуй, единственная серьезная и большая работа – это диссертация Д. Р. Мышко о философских аспектах творчества Лема [Мышко 1992], написанная и защищенная в начале 90-х годов. Книги о Леме и его

творчестве стали появляться только в 2011 году, к юбилею писателя. В этом году вышел сборник под редакцией П. Сенеенкова «Станислав Лем. Предсказавший и увидевший своими глазами», основанный на интернет-материалах, в том числе Википедии [Станислав Лем... 2011]. В 2012 А. Тетиор выпустил книгу «Лем и Анти-Лем» [Тетиор 2012], где изложил размышления о философских основаниях творчества Лема. Только в 2014 году появляется книга В. Язневича «Станислав Лем» в серии «Мыслители XX века» [Язневич 2014], а в 2015 – биография Г. Прашкевича и В. Борисова с таким же названием в серии «ЖЗЛ» [Прашкевич, Борисов 2015]. Отметим также и совсем недавно опубликованную на русском языке книгу В. Орлинского «Лем. Жизнь на другой земле» [Орлинский 2019].

Собрание сочинений С. Лема в десяти томах вышло только в 1992–1995 годах в издательстве «Текст», а в 1995–1996 годах появились еще три дополнительных тома. Издание, конечно, не академическое, однако все тома были снабжены научным аппаратом, в частности, краткими библиографическими справками (= текстологическому комментарию) к произведениям писателя.

Как видно, серьезное изучение творчества С. Лема началось только в 1990-х годах, после распада Советского Союза; в советском же литературоведении научный интерес к Лему значительно уступал интересу просто читательскому.

Недостаточное внимание филологов к творчеству С. Лема компенсировалось неухающим интересом к Лему советских писателей-фантастов и ученых-естественников – физиков, биологов и др. [Прашкевич, Борисов: 12]. Но главную характерологическую черту своей «советской» литературной репутации сам автор сформулировал так: «Но как-то странно получилось, что за границами Польши я выступаю не как литератор, а как философ. Например, как аналитический философ я фигурирую на странице 362 в „Новейшем философском словаре“, изданном по-русски, и единственное неудобство мне там доставляет сосед, потому что затем в словаре рассматриваются философские труды хорошо известной личности, каковой был Ленин» [цит. по: Язневич 2014: 5].

Философские аспекты творчества С. Лема и до сих пор продолжают оставаться магистральной линией изучения (см. сборники Лемовской конференции, где литературоведческие и лингвистические работы соседствуют с философскими и научно-техническими [Фантастика и технологии 2009; Вторые Лемовские чтения 2014; Третьи Лемовские чтения 2016]), но после смерти писателя стали появляться и сугубо филологические изыскания (см., например, сборник «Искусство и ответственность. Литературное творчество Станислава Лема» [Искусство и ответственность... 2017]).

Итак, мы видим, что литературная репутация Лема значительно различается в ее «национальных» вариантах. Связано это, как кажется, с необычайной многогранностью интересов Станислава Лема, часто подчеркиваемой шутивным утверждением, что он создал «общую теорию всего»¹. Действительно, трудно найти

литературный или научный вопрос, которого он вообще бы не коснулся в своих трудах. Не будет преувеличением сказать, что он является автором своеобразной теории познания Бытия [Płaza 2006; Brzostek, Skubaczewska-Pniewska 2017].

Современные исследования, как в России, так и за рубежом, отчетливо демонстрируют тенденцию ревизии, переоценки творчества С. Лема, углубления рецепции его произведений – художественных и теоретических. Наряду с его философскими размышлениями, футурологическими прогнозами, как социальными, так и научно-техническими, предметом пристального внимания становится теория литературы, изложенная писателем в нескольких трактатах.

II. Репутация Лема-литературоведа

«...все мы находились в тени Лема, нельзя было пропустить его, потому что он возвышался над горизонтом как гигантская статуя» [Oramus 2006: 15].

Насколько художественные произведения писателя пользовались признанием читателей, исследователей и критиков во всем мире, а уровень его знаний и глубина рефлексии в области точных наук и философии делали его равноправным партнером в дискуссии с представителями этих областей, настолько тексты Лема в области теории литературы до недавнего времени вызывали неоднозначную оценку: литературоведы их либо критиковали, либо относились к ним с пренебрежением. Однако в последнее время репутация Лема и его теории литературы меняется. Теперь можно встретить мнение, что автор «Соляриса» был также выдающимся теоретиком литературы, предлагающим оригинальные, глубокие и даже пионерские во многих вопросах решения.

Перечислим основные работы Лема в области теории литературы. Это «Философия случая» (1968), о которой более подробно будет сказано дальше; «Фантастика и футурология» (1970); сборник «Мой взгляд на литературу» (том 24 из 33-томного собрания сочинений 1998–2005 гг. на польском языке), куда вошли письма и статьи писателя, а также литературно-критические статьи, публиковавшиеся автором в различных периодических изданиях Польши, России, США и других стран.

Один из польских исследователей теоретико-литературного творчества Лема – Анджей Василевски сначала опубликовал в 2015 году в посвященном Лему номере журнала «Quart» статью под характерным названием «(Не) присутствие Лема в литературоведении» [Wasilewski 2015: 67–81], а два года спустя издал книгу «Теория литературы Станислава Лема» [Wasilewski 2017], систематизирующую литературоведческую мысль писателя.

Василевский отмечал, что Лема как исследователя литературы практически не заметили [Wasilewski 2017: 12], однако, это, конечно, не так. Утверждению о «полном отсутствии рецепции его литературовед-

¹ Польский исследователь Ежи Яжембски обращает внимание на факт, что в трудах Лема, касающихся вопросов литературоведения,

также проявляется стремление к системному подходу и попытка объяснить «целостность Бытия» [Lem 2010: 593].

ческой активности» [Wasilewski 2017: 11] противоречат публикации обсуждения и полемика в кругу наиболее серьезных польских исследователей литературы, очень быстро прореагировавших на теоретико-литературные публикации писателя (отметим, что русскоязычных исследователей эта тема привлекает редко; можно назвать, пожалуй, лишь работу Е. Смердовой «Игры интерпретации (о книге Станислава Лема „Философия случая“») [Смердова 2012]).

Среди литературоведческих работ Лема особое место занимает, конечно, «Философия случая», впервые изданная в 1968 году и модифицированная автором в последующих изданиях.

«Моя теория литературного произведения» – так сам автор определил «Философию случая» в книге, где опубликованы его разговоры со Станиславом Бересем [Lem 2002: 87]. И действительно, если Лема и можно назвать теоретиком литературы, то именно благодаря этому компендиуму; другие его труды о литературе (например, «Фантастика и футурология») содержат, скорее, литературную критику, фельетонистику и эссеистику. Поэтому мы сосредоточимся главным образом на рецепции «*Summae litteraturae*», как назвал «Философию случая» Генрих Маркевич [Markiewicz 2007: 90].

Не представляется возможным изложить все более или менее вдумчивые отклики на теорию литературы Лема, однако нельзя обойти молчанием дискуссию о «Философии случая», опубликованную в 1971 году в ежеквартальном журнале «Литературные записки». Здесь были собраны высказывания бесспорных польских авторитетов в области науки о литературе: упомянутого выше Генриха Маркевича, Януша Славиньского и Казимежа Бартошиньского. Факт, что такая дискуссия вообще состоялась, свидетельствует о высоком значении, придаваемом мысли Лема в польских гуманитарных науках.

Специалисты приняли «эмпирическую»¹ теорию литературы не слишком восторженно, хотя и нельзя сказать, чтобы они ее отвергли. Маркевич называет книгу Лема «увлекательной и скучной, новаторской и малополезной, ультраточной и запутанной» [Markiewicz 2007: 90]. Януш Славиньски прямо заявляет, что не намерен давать однозначную оценку [Sławiński, Bartoszyński, Markiewicz 1971: 357], вероятно, потому, что «Философия случая» имеет междисциплинарный и многостилевой характер. По мнению исследователя, Лем пользуется одновременно несколькими научными языками, и поэтому его концепция должна изучаться лингвистами, философами, теоретиками культуры, социологами и логиками [Sławiński, Bartoszyński, Markiewicz 1971: 358]. На эту же многоязычность литературоведческого труда Лема обращает внимание и Казимеж Бартошиньски, однако он отмечает, что Лем вносит новые определения в литературные и гуманитарные исследования и тем самым стирает различия между литературоведением и точными науками; высказывается в пользу унифицированного познавательного аппарата этих наук [Sławiński, Bartoszyński, Markiewicz 1971: 363]. Язык Лема, действительно, чрезвычайно насыщен

специальной технической терминологией, относящейся к различным научным дисциплинам. Но несмотря на это, в работах Лема все же сохраняется поэтичность стиля: «именно огромное насыщение лексикой многих научных дисциплин представляет собой главную – хотя не исключительную – причину поэтичности трактата» [Sławiński, Bartoszyński, Markiewicz 1971: 358]. Видный польский структуралист формулирует о книге Лема мнение, похожее на то, которое Лев Толстой высказал однажды об «Анне Карениной»: «...главное ее („Философии случая“ – Е. К., А. С.-П.) содержание скрывается именно в способе выражения автором своих мыслей, а отдаленное от него оно не только потеряло бы свою существенность, но и стало бы содержанием какого-то другого, не написанного, произведения. Мир значений этой книги целиком растворен в ее языке, и поэтому его нельзя из нее извлечь. Он существует аналогично миру поэтического произведения, т. е. исключительно в речи, которая дала ему жизнь. Отделенный от слов, выбранных автором, и рассказанный чужими словами, он сразу же теряет свою подлинную значимость, местами становится полностью непонятным, а местами – банальным» [Sławiński, Bartoszyński, Markiewicz 1971: 358].

При «банальном» подходе излагаемая в «Философии случая» теория литературного произведения сводится к утверждению, что произведение как таковое не существует вне его рецепции. Категория случая, теория вероятности, математическая стохастическая теория, кибернетика, генетика или теория систем служат для обоснования тезиса об отсутствии формальной имманентной структуры и объективного семантического содержания. Значения определяют массовые статистические процессы, а любые структуры обуславливает позиция наблюдателя (здесь: читателя). Несмотря на то, что коды приема являются внешними по отношению к произведению, они предопределяют его композицию и значение. «Но как в генотипе нет сердцебиения, разреза губ, особенностей улыбки или как в кислороде, водороде и углероде нет ничего такого, что можно было бы назвать „сладостью“ сахара, хотя ее и можно получить из этих элементов как их целостный эффект, – так и в литературном произведении нет специфичной для него и в какой-то мере целостной иерархии» [Lem 2007: 281]. В произведении находятся только определенные сигналы, создающие «программу управления», которая запускается в процессе восприятия. «Они становятся сгруппированными лишь по отношению к читателю, подобно тому, как комплекс определенным образом закрученных молекулярных спиралей ДНК становится программой построения организма лишь в отношении эффекторов протоплазмы. Если же изъять этот комплекс из протоплазмы, тогда он – всего-навсего обычная нить из химических частиц, и нет ни на небе, ни на земле способа химическим, физическим, пусть сколь угодно изощренным и длительным исследованием установить, что это, например, „иерархическая запись организма гориллы“, которая может в определенных условиях породить реальную гориллу» [Lem 2007: 282]. Маркевич, Славиньски, Бартошиньски в первую очередь обратили внимание на своеобразие литературоведческого стиля Лема,

¹ В российских изданиях «Философии случая» опускается ее подзаголовок – «Литература в свете эмпирики».

обусловленное любовью к междисциплинарному научному языку, но в содержании теории не увидели ничего нового и вдохновляющего. Как кажется, в некоторой степени подход Лема близок концепциям Романа Ингардена и Умберто Эко. Речь идет о феноменологическом понятии эстетической конкретизации (Р. Ингарден) и семиотической идее открытого произведения (У. Эко). Но теория С. Лема направлена в сторону читателя. Хотя перечисленные выше исследователи утверждают, что открытость или недоопределение (связанные с читательской рецепцией) – это фундаментальное (хотя, конечно, градуируемое) свойство литературного произведения, его прочное основание и имманентный признак, но только Лем целиком переносит акцент на читательское восприятие, зависящее от норм и культурных стереотипов («стабилизирующее восприятие» [Лем 2007: 28]).

По мнению Лема, отношения, которые существуют между текстом и контекстом восприятия, создают систему зависимостей, основанную на содержании структур разной степени сложности. Лем описывает эту систему по аналогии с устройством матрешки: «Есть известная игрушка, где одна в другой сидят все меньшие и меньшие деревянные матрешки: <...>. Подобно ей и ситуация чтения складывается как бы из ряда наложенных друг на друга „подситуаций“» [Лем 2007: 141].

В этом подходе А. Василевски видит предпосылки конструктивизма, который, по его мнению, является «творческим развитием» проектов Лема [Wasilewski 2017: 271]. «Философия случая» была бы в этой системе «пролегоменой для эмпирического конструктивизма» [Wasilewski 2017: 284].

Автор «Теории литературы Станислава Лема» считает, что первые комментаторы «Философии случая» не могли заметить ее новаторства только потому,

что оценивали ее с точки зрения действующих тогда литературоведческих стандартов и современных им «мыслительных коллективов» (определение Людовика Флесска). Моделью, описывающей такой познавательный тупик, может служить встреча человека с внеземной цивилизацией, многократно представленная в художественных произведениях Лема. Никто лучше его не показал, как трудно, а иногда и невозможно понять что-то, что требует выхода за культурно обусловленные модели мышления. Не случайно почти каждая попытка понять и войти в интеракцию с иной цивилизацией завершается в произведениях С. Лема неудачей. Встречи литературных героев с разными формами внеземной цивилизации выявляют стремление приспособить новое к существующим познавательным схемам.

С. Лем вплотную подбирается к тому, что литературное произведение – сложная совокупность разнообразных явлений: воображения (мира героя), материального конструкта (текста) и рецепции всего этого (психологии читателя). Эта мысль стала уже общим местом в гуманитаристике. Однако Лем не учитывает той диалогичности, о которой писал М. М. Бахтин в работе «Проблема текста»: «Событие жизни текста, т. е. его подлинная сущность, всегда разыгрывается на рубеже двух сознаний, двух субъектов» [Бахтин 1997: 310]. Похоже, что общая теория литературы, «событие ее жизни», также разыгрывается на рубеже различных теоретико-литературных сознаний, одно из которых принадлежит С. Лему.

Подводя итог, следует сказать, что «Философия случая», а также другие теоретико-литературные работы С. Лема, по сути, создают такую же противоречивую репутацию автора, как и его художественные произведения. Их многогранность, научное, языковое, жанровое «разноречие» формируют сложную картину мира, изучение которой, безусловно, будет продолжено.

ЛИТЕРАТУРА

- Бахтин М. М. Проблема текста // Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. – М.: Русские словари, 1997. – Т. 5. – С. 306–326.
- Вторые Лемовские чтения: сб. материалов Всероссийской научной конференции с международным участием памяти Станислава Лема / ред. А. Ю. Нестеров. – Самара: Самарский государственный аэрокосмический университет, 2014. – 256 с.
- Искусство и ответственность. Литературное творчество Станислава Лема / ред. Е. Ю. Козмина. – Екатеринбург – М.: Кабинетный ученый, 2017. – 178 с.
- Лем С. Философия случая / пер. Б. Старостина. – М.: АСТ; АСТ Москва; Хранитель, 2007. – 767 с.
- Мышко Д. Р. Философские аспекты научной фантастики С. Лема: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.04. – М., 1992. – 22 с.
- Орлинский В. Лем. Жизнь на другой земле. – М.: Эксмо, 2019. – 480 с.
- Прашкевич Г., Борисов В. Станислав Лем. – М.: Молодая гвардия, 2015. – 360 с. – (Жизнь замечательных людей).
- Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. – М.: НЛО, 2009. – 447 с.
- Роднянская И. Два лица Станислава Лема: [Рец. на кн.: Лем С. Навигатор Пиркс; Голос Неба] // Новый мир. – 1973. – № 2. – С. 272–278.
- Смердова Е. А. Игры интерпретации (о книге Станислава Лема «Философия случая») // Филолог. – 2012. – Вып. 18. – URL: bit.ly/2DQRJsS (дата обращения: 13.09.2019).
- Станислав Лем: Предсказавший и увидевший своими глазами / ред. П. Сенеенков. – FastBook Publishing, 2011. – 104 с.
- Третьи Лемовские чтения: сб. материалов Всероссийской научной конференции с международным участием памяти Станислава Лема / ред. А. Ю. Нестеров. – Самара: Самарский государственный аэрокосмический университет, 2016. – 550 с.
- Фантастика и технологии (памяти Станислава Лема): сб. материалов Международной научной конференции 29–31 марта 2007 г. / ред. А. Ю. Нестеров. – Самара: Самарский государственный аэрокосмический университет, 2009. – 250 с.
- Тетиор А. Лем и Анти-Лем. – Рига: Palmarium Academic Publishing, 2012. – 360 с.
- Язневич В. И. Станислав Лем. – Минск: Книжный Дом, 2014. – 448 с. – (Мыслители XX столетия).
- Brzostek D., Skubaczewska-Pniewska A. O poznawaniu świata (jako tekstu): Lem versus Ingarden // Od Lema do Sienkiewicza (z Ingardenem w tle): prace literaturoznawcze ofiarowane profesorowi Andrzejowi Stoffowi w siedemdziesiątą rocznicę urodzin // red. M. Cuzman, D. Brzostek, A. Skubaczewska-Pniewska. – Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2017. – S. 273–288.
- Gunn J. On the Lem Affair // Science Fiction Studies. – 1977. – Vol. 4. – № 3. – P. 314–316.
- Lem S. Dzieła: w 33 t. – Warszawa: Agora SA, 2010. – Т. XXIV. Filozofia przypadku (Literatura w świetle empirii). – 605 s.
- Lem S. Tako rzecze... Lem, ze Stanisławem Lemem rozmawia Stanisław Bereś. – wyd. 2, popr. i poszerz. – Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2002. – 580 s.

- Markiewicz H. *Utarczki i perswazje 1947–2006*. – Kraków: Historia literatury, 2007. – 223 s.
Oramus M. *Bogowie Lema*. – Przeźmierowo: Kurpisz S. A., Zakrzewo: Replika, 2006. – 262 s. – (SFantasy).
Płaza M. *O poznaniu w twórczości Stanisława Lema*. – Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2006. – 580 s.
Sławiński J., Bartoszyński K., Markiewicz H. S. Lem. Dyskusja [rez. nad „Filozofią przypadku”] // *Pamiętnik Literacki*. – 1971. – № 1. – S. 357–376.
Stanisław Lem: the official site. – URL: lem.pl (дата обращения: 13.09.2019).
Wasilewski A. (Nie) obecność Lema w literaturoznawstwie // *Quart („Lem” / Numer specjalny)*. – 2015. – № 3–4. – S. 67–81.
Wasilewski A. *Teoria literatury Stanisława Lema*. – Szczecin – Bezzrzecze: Wydawnictwo Forma, 2017. – 331 s.

REFERENCES

- Bakhtin, M. M. (1997). Problema teksta [Problem of Text]. In *Sobranie sochinenii, in 7 vols*. Moscow, Russkie slovari. Vol. 5, pp. 306–326.
Brzostek, D., Skubaczewska-Pniewska, A. (2017). O poznawaniu świata (jako tekstu): Lem versus Ingarden [On Exploring the World (as a Text): Lem Versus Ingarden]. In Cyzman, M., Brzostek, D., Skubaczewska-Pniewska, A. (Eds.). *Od Lema do Sienkiewicza (z Ingardenem w tle): prace literaturoznawcze ofiarowane profesorowi Andrzejowi Stoffowi w siedemdziesiąt rocznicę urodzin*. Toruń, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, pp. 273–288.
Gunn, J. (1977). On the Lem Affair. In *Science Fiction Studies*. Vol. 4. No. 3, pp. 314–316.
Koz'mina, E. Yu. (Ed.). (2017). *Iskusstvo i otvetstvennost'. Literaturnoe tvorcestvo Stanislava Lema* [Art and Responsibility. Literary Work of Stanislaw Lem]. Ekaterinburg, Moscow, Kabinetnyi uchenyi. 178 p.
Lem, S. (2002). *Tako rzecze... Lem, ze Stanislawem Lemem rozmawia Stanislaw Beres*, ed. 2. Kraków, Wydawnictwo Literackie. 580 p.
Lem, S. (2007). *Filosofiya sluchaya* [Philosophy of Chance] / trans. by B. Starostin. Moscow, AST, AST Moscow, Khranitel'. 767 p.
Lem, S. (2010). *Filozofia przypadku*. (Literatura w swietle empirii). In *Dziela*, in w 33 t. Warszawa, Agora SA. Vol. XXIV. 605 p.
Markiewicz, H. (2007). *Utarczki i perswazje 1947–2006*. Kraków, Historia literatury. 223 p.
Myshko, D. R. (1992). *Filosofskie aspekty nauchnoi fantastiki S. Lema* [Philosophical Aspects of Science Fiction by S. Lem]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow. 22 p.
Nesterov, A. Yu. (Ed.). (2009). *Fantastika i tekhnologii (pamyati Stanislava Lema)* [Fiction and Technology (in Memory of Stanislaw Lem)]. Samara, Samarskii gosudarstvennyi aerokosmicheskii universitet. 250 p.
Nesterov, A. Yu. (Ed.). (2014). *Vtorye Lemovskie chteniya* [Second Readings of Lem]. Samara, Samarskii gosudarstvennyi aerokosmicheskii universitet. 256 p.
Nesterov, A. Yu. (Ed.). (2016). *Tret'i Lemovskie chteniya* [Third Readings of Lem]. Samara, Samarskii gosudarstvennyi aerokosmicheskii universitet. 550 p.
Oramus, M. (2006). *Bogowie Lema*. Przeźmierowo, Kurpisz S. A., Zakrzewo, Replika. 262 p. (SFantasy).
Orlinskii, V. (2019). *Lem. Zhizn' na drugoi zemle* [Lem. Life on another earth] / trans. by I. Shevchenko. Moscow, Eksmo. 480 p.
Płaza, M. (2006). *O poznaniu w twórczości Stanisława Lema*. Wrocław, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego. 580 p.
Prashkevich, G., Borisov, V. (2015). *Stanislav Lem* [Stanislav Lem]. Moscow, Molodaya gvardiya. 360 p. (Zhizn' zamechatel'nykh lyudei).
Reitblat, A. I. (2009). *Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoi sotsiologii russkoi literatury* [From Bova to Balmont and other works on the historical sociology of Russian literature]. Moscow, NLO. 447 p.
Rodnyanskaya, I. (1973). Dva litsa Stanislava Lema: (Rets. na kn.: Lem S. Navigator Pirks; Golos Neba). [Two Faces of Stanislaw Lem (Rec. for the Book: Lem S. Pilot Pirks; Voice of Heaven)]. In *Novyi mir*. No. 2, pp. 272–278.
Seneenkov, P. (Ed.). (2011). *Stanislav Lem: Predskazavshii i uvidevshii svoimi glazami* [Stanislav Lem: Predicted and Seen with My Own Eyes]. FastBook Publishing. 104 p.
Sławiński, J., Bartoszyński, K., Markiewicz, H. (1971). S. Lem. Dyskusja (rez. nad „Filozofią przypadku”). In *Pamiętnik Literacki*. No. 1, pp. 357–376.
Smerdova, E. A. (2012). Iгры interpretatsii (o knige Stanislava Lema «Filosofiya sluchaya») [Interpretation Games (about Stanislaw Lem's Book «Philosophy of Chance»)]. In *Filolog*. Issue. 18. URL: <https://bit.ly/2DQRJ8S> (mode of access: 13.09.2019).
Stanisław Lem: the official site. URL: lem.pl (mode of access: 13.09.2019).
Tetior, A. (2012). *Lem i Anti-Lem* [Lem and Anti-Lem]. Riga, Palmarium Academic Publishing. 360 p.
Wasilewski, A. (2015). (Nie) obecność Lema w literaturoznawstwie. In *Quart („Lem” / Numer specjalny)*. No. 3–4, pp. 67–81.
Wasilewski, A. (2017). *Teoria literatury Stanisława Lema*. Szczecin-Bezzrzecze, Wydawnictwo Forma. 331 p.
Yaznevich, V. I. (2014). *Stanislav Lem* [Stanislav Lem]. Minsk, Knizhnyi Dom. 448 p. (Mysliteli XX stoletiya).

Сведения об авторе

Козьмина Елена Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры издательского дела, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург).

Адрес: 620075, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.
E-mail: kleno63@gmail.com.

Скубачевска-Пневска Анна – доктор филологических наук, профессор УНК, заведующий кафедрой теории литературы и компаративистики, Университет Николая Коперника (Торунь, Польша).

Адрес: 87–100, Польша, Торунь, Jurija Gagarina, 11.
E-mail: skubpnie@wp.pl.

Author's information

Kozmina Elena Yur'evna – Doctor of Philology, Professor of the Department of Publishing, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg).

Skubaczewska-Pniewska Anna – Doctor of Philology, NCU Professor, Head of the Department of Theory of Literature and Comparative Studies, Nicholas Copernicus University (Torun, Poland).